

Патрик Серио (Швейцария)

ПОЧЕМУ ПОХОЖЕЕ ПОХОЖЕ?

Вопреки общим представлениям о Р. Якобсоне как основоположнике структурализма, в довоенный период он не столько занимался функцией, сколько формой. Понятие структуры он заимствовал из разных источников, среди них – антидарвиновское течение ортогенеза, где причинное объяснение заменяется целенаправленным развитием, и прежде всего – идеалистическая морфология, гласящая, что две формы могут быть похожими без контакта во времени и пространстве и что сходства объясняются *не случайностью*, а общим скрытым планом, который предстоит обнаружить и выявить. Можно восстановить целую серию научно-философских течений, стремящихся установить возможность *бесконтактного воздействия*, например идею подражательной магии у Дж. Фрэзера, служившую источником вдохновения известной якобсоновской оппозиции между метафорой и метонимией.

Ключевые слова: сравнительно-историческая эпистемология; Дж. Фрэр; Р. Якобсон; симпатическая магия; гомология / аналогия; метафора / метонимия.

«Я не сужу, я повествую».

*Монтень. Эссе*¹

Исследование русской научной культуры в перспективе сравнительно-исторической эпистемологии является источником постоянных радостных открытий. При этом необходимо соблюдать два основных принципа: 1) со стороны виднее (или, скорее, видно по-другому); 2) объектом изучения должны быть не «национальные», тем паче «отечественные» науки, а научные течения как таковые: научные культуры или господствующие парадигмы – не изолированные планеты, а местные варианты одной и той же науки. Ведь ученые читают друг друга, хотя не всегда в равных

пропорциях. Поэтому важно как можно больше переводить, чтобы выйти из (языкового) изоляционизма. То, что *Россию умом понять можно*, является достигаемым идеалом, даже если для этого надо выработать новые приемы сопоставительного изучения.

В данной статье речь будет идти о некоторых особенностях объекта познания у Романа Яacobсона.

Р. Яacobсон разделяет судьбу М. Бахтина: кажется, существует столько «национальных» Яacobсонов, сколько существует ареалов восприятия его работ. Представления о нем на так называемом Западе плохо соотносятся с его интеллектуальным обликом 20–30-х годов. Яacobсон известен в англосаксонских странах прежде всего как «an American scholar», а во Франции как коллега Кл. Леви-Стросса и Ж. Лакана. В России же его связывают с русскими формалистами и восхваляют его как соратника Н. Трубецкого по фонологии. Вот, к примеру, два отзыва о творчестве Яacobсона, которые относятся как будто к двум разным лицам, почти ничего общего между собой не имеющим:

Научная деятельность Романа Осиповича Яacobсона (1896–1982) с самого начала была связана с глубоким усвоением принципов русской филологической традиции².

Парижский лингвист Жан-Клод Мильнер с восторгом выделял три характерные черты у Яacobсона как ученого: *экзотизм, рационализм и универсализм*:

Я некогда встречался с Романом Яacobсоном. Я был чувствителен к тому, что в нем было незаурядно в отношении места и времени. По-видимому, нет ничего проще, чем дать этому объяснение: не свидетельствует ли преподавание Яacobсона в Соединенных Штатах об иностранной традиции, не только русской, но и европейской? Экзотизм его, однако, проявляется не меньше, когда он выступает в Париже. Когда мы слушаем его, у нас, французов, создается впечатление, что мы получаем доступ к континенту тайн и чудес: Россия, все еще погруженная в Византию, является неисчерпаемым нагромождением языка, жестов и верований. Когда он, наконец, находится в Москве, русские с удивлением слышат из его уст фонетику, которой уже нет: бывшее произношение, живое эхо того языка, на котором Маяковский хотел оставить свой след. [...] Для него [...] все должно стать близким всем, если только смотреть с точки зрения Разума³.

Он всегда стремится охранить разум от беспорядка, будучи уверенным, как Спиноза, Вольтер и как любой еврей в Центральной Европе, что из людей, объединенных в нацию, ничего хорошего не выйдет⁴.

Вот какие впечатляющие разногласия возникают от того, что *rossica non leguntur...*

Я ограничусь здесь скромным восстановлением некоторых аспектов яacobсоновского творчества, плохо уживающихся с такой оценкой Яacobсона, данной известным представителем парижской левой интеллигенции 1970-х годов.

С этой целью придется поднять вопрос относительно самого языка лингвистов, поскольку мы редко задумываемся о том, как строятся концепты в языковедческом дискурсе. Приемы производства научного дискурса в науках без четкой формализации постоянно находятся под угрозой попадания в ловушку мысленных привычек, навязываемых обиходным языком. Какую роль играют у Яacobсона метафоры и аналогии, заимствованные из других наук, прежде всего из биологии и антропологии? Тут возникает эпистемологический вопрос: являются ли метафоры приемом производства концепта, или риторическими приемами определенной академической общности, или и тем и другим одновременно?

Яacobсон никогда не объяснял свое употребление метафор. Я постараюсь отметить некоторые исторические вехи на этом пути.

I. Об истоках типологии: сходство без общего предка

I.1. О натурализме

Яacobсон постоянно осуждает *натурализм* постулатов Шлейхера. Я хотел бы показать, что на самом деле он придерживается строгого натурализма, только иного, чем у Шлейхера.

Шлейхер [...] усматривал в языковедении отрасль естествознания⁵.

Уже давно отвергнута доктрина А. Шлейхера, завязанного натуралиста в области языкознания⁶.

Натурализм представляет собой одну из главных мишеней Яacobсона:

Соображения Трубецкого твердо направлены против любой натуралистической (биологической или эволюционной) концепции духовного мира⁷.

Языкознание является социальной, а не естественноисторической наукой⁸.

Рассуждение Якобсона опирается на проблему *сходств*, позволяющую ему опрокинуть господствовавшую до него концепцию дивергенции от общего предка, которую он называет «ортодоксальным эволюционизмом»:

Наиболее устойчивым элементом этой доктрины является стремление объяснять звуковые и грамматические сходства двух языков их происхождением от одного общего языка-предка⁹.

Если ортодоксальный эволюционизм учит, что «сходство в строевании органов необходимо принимать во внимание лишь в том случае, если оно указывает на то, что обладатели этих органов происходят от одного и того же предка», то в наше время исследователи придают значение сходствам вторичным – либо приобретенным вследствие конвергирующего развития организмами родственными, либо усвоенным организмами абсолютно разного происхождения¹⁰.

Известно, что Э. Кассирер в январе 1945 г., за несколько дней до смерти, выступил с докладом (в присутствии Якобсона) в нью-йоркском лингвистическом кружке, в котором он выявил удивительные сходства между методологическими принципами Ж. Кювье (1769–1832) в его сравнительной анатомии и понятием *структуры* у современных лингвистов-структуралистов. Кассирер ограничивался аналогиями между *законом соотношения органов* у Ж. Кювье в биологии и фонологической структурой у Трубецкого и Якобсона. Но он мог бы пойти дальше, потому что, прочитай он их евразийские тексты, нашел бы еще больше соответствий с определенным направлением естественных наук, а именно – с *идеалистической морфологией* в биологии, гласящей, что две формы могут быть похожими без контакта во времени и пространстве и что сходства объясняются *не случайностью*, а общим скрытым планом, который предстоит обнаружить и выявить.

Главным камнем преткновения здесь является спор о том, как можно истолковать *сходства* между различными явлениями иначе, чем общим происхождением от общего предка, иначе говоря, без временного контакта.

Сходство в структуре независимо от генетических отношений данных языков и может связывать равным образом как языки с общим происхождением, так и языки разного происхождения¹¹.

С 1929 по 1931 г. Якобсон занимался почти исключительно утверждением, что сходства между языками объясняются не про-

исхождением от общего предка, а, наоборот, конвергенцией между генетически не родственными явлениями.

По его мнению, господствующая парадигма гласит, что никакое сходство не может объясняться иначе, чем через общего предка. Данная парадигма имеет два названия: позитивизм и механицизм¹², она олицетворена преимущественно младограмматической школой. Якобсон постоянно и яростно обвиняет младограмматиков во всевозможных грехах. А. Мейе (1866–1936) представляет собой классический пример того фильтра, который отбирает исключительно те сходства, могущие объясниться общим генетическим происхождением: для него типологические сходства не представляют интереса, потому что языки без прямой преемственности во времени оказываются тем же, что и двойники в антропологии: их сходство есть лишь результат случайности и ничего не добавляет к их познанию. Вот пример мнения, высказанного Мейе в предисловии к «*Les langues du Monde*» в 1924 г.:

Хорошо известное деление на языки изолирующие, агглютинативные и флективные не поддается точному изучению, и в той мере, в какой оно может быть сформулировано, оно не имеет ни научного значения, ни практической пригодности. Единственная классификация, имеющая ценность и практически пригодная, есть классификация генеалогическая, основанная на истории языков¹³.

Или это очень суровое суждение:

Эта классификация в соответствии с общими особенностями структуры оказывается лишенной какой-либо практической или научной пользы; это времяпрепровождение, которое лингвисту не может принести никакой пользы!¹⁴

Якобсон упрекал младограмматиков именно в том, что сходства между языками они могли объяснить исключительно общим генетическим происхождением:

Для этой теории, так же как и для всех ведущих научных течений того времени, генетическая концепция была единственно возможной. Предпочтение в научных исследованиях отдавалось не самому объекту, а условиям его возникновения. Описание того или иного явления подменялось отсылкой к его истокам¹⁵.

Самой характерной чертой младограмматического направления является, быть может, постоянная подмена вопросов о средствах и целях вопросами чисто причинного порядка. Любая попытка определить какое-либо явление из области языка через его функцию не вызвала бы в то время никакой симпатии и была бы объявлена недопустимой ересью¹⁶.

Можно было бы привести еще много примеров осуждения Якобсоном теории дивергенций от общего предка (соприкосновение во времени). Важно здесь объявление научного разрыва с «господствующей» – или «традиционной» наукой во имя «современной науки». Но как определить такой разрыв?

Я уже указывал на сходное опровержение сходств через общего предка у марристов и у евразийцев¹⁷. Следует здесь отметить, что марристы называли «идеалистами» представителей индо-европейского направления в лингвистике, т. е. тех, кто объяснял сходства как дивергенцию от общего предка. Интересно, что у евразийцев – те же противники по тем же критериям, с тем различием, что они их называли «позитивистами», что в их терминологии означало «грубых» или «наивных» материалистов. Два противоположных названия для одного неприемлемого греха.

В довоенный период в Советском Союзе специалисты по гуманитарным наукам, которые так или иначе соприкасались со взглядами Н. Марра, интенсивно занимались аналогиями и сближениями между, на первый взгляд, отдаленными культурными явлениями. Так, Р.О. Шор опровергала концепцию Ж. Бедье о полигенезе бродячих сюжетов в литературе. Рассматривая мировую литературу как единое целое, она стремилась найти аналогии между древнеиндийской и средневековой западноевропейской литературами (см. рецензию на конференцию, посвященную Р. Шор¹⁸).

Параллельно О. Фрейденберг пользовалась методом *ассоциаций по сходству*. Интересно, что опровержения марризма со стороны его противников состояли прежде всего в оспаривании данного метода:

Мы, тогдашняя молодежь, бывало, развлекались в своем кружке придумыванием «исследований» в духе О. М., получалось нечто вроде «Италия – сапог» и т. д. (Доватур: письмо к Галеркиной¹⁹).

Опять-таки спор идет об объяснительной силе сходства по форме: это случайность, причина, цель или скрытый план?

I.2. Теория типов

Спецификой для Якобсона является то, что к ортогенезу он прибавляет теорию замкнутых типов (Ж. Кювье, Н.Я. Данилевский).

На подход Данилевского (1822–1885) к истории во многом повлиял его любимый ученый-естественник Ж. Кювье. Для Данилевского культурно-исторические типы отделены и существенно неизменны. Так же как условия быта и отдельные органические системы биологических типов у Кювье, исторический опыт, культура, философия, наука каждого культурно-исторического типа целостно соединены²⁰. Якобсон (как и Трубецкой) отличается от Гёте тем, что он верно следует теории замкнутых *типов*:

Можно было бы охарактеризовать российскую среду как враждебную позитивизму; стоит напомнить, что расцвет позитивизма в России качественно очень средний, тогда как противоположные ему одновременные боковые линии эволюции науки, в основном в области русской философии, дали замечательные плоды (Данилевский, Достоевский, Федоров, Леонтьев, Соловьев). Отвращение к позитивизму характерно для всех жизненных проявлений русской мысли в равной степени как для Достоевского, так и для русского марксизма²¹.

Кювье придерживался эссенциалистической концепции типов: каждый из четырех типов животных характеризуется своей сущностью (*eidos*), неизменной и отделенной от других типов радикальной прерывистостью. Эссенциализм основывается на мысли, что разнообразие мира живых существ отражает ограниченное число неизменных универсалий. Эта концепция восходит к платоническому понятию эйдоса и объясняет данное представление *типа*: все существа, принадлежащие одному и тому же виду, разделяют ту же сущность.

В этом подходе к типологии типы описываются как совокупности индивидов, различие между которыми является *несущественным*: вариативность есть результат несовершенного проявления эйдоса. Напротив, разница между типами мыслится как абсолютная: границы между типами непроницаемы.

Критерий сходства или подобия довольно эффективен, если объединять в типы минералы или вообще неодушевленные предметы. Но он малонадежен, если сортировать организмы, которые сильно меняются и различаются. Как знать, разделяют ли два индивида ту же сущность?

На этом подходе к теории типов строится разделение С. Трубецкого на прерывистость и непрерывность между языками: он считал, что европейский мир, соседствующий с евразийским, отделен от последнего непроницаемой границей, тогда как внутри евразийского типа русский язык и мордовский язык, например, имеют такие общие черты, которые позволяют подогнать их к одному и тому же *типу*: их различия несущественны с точки зрения типа. Итак, территориальная (пространственная) смежность играет меньшую роль, чем морфологическое сходство.

Любопытно отметить параллелизм в естественно-научной и исторической философии в отношении того, что Дж. Вико (1668–1744) называл «идеальной историей». Аристотель и деисты допускали существование предопределенного плана, по которому бог сотворяет животные виды и который человек может обнаружить посредством изучения сравнительной морфологии. Материалистические же философы, заменяя бога природой, приписывают ей как бы бессознательный план – или скорее модель, нематериальный тип, следуя которому осуществляются (или «воплощаются») реальные, конкретные формы. Для первых это – *прототип*, исходная форма, постепенным совершенствованием которого являются реальные существа, для вторых это – *архетип*, разными и несовершенными переделками которого они являются. Напомним здесь, что Гёте, главный представитель идеалистической морфологии, думал, что все растения восходят через «метаморфозы» к идеальному первичному архетипическому «проторастению» (*Urpflanze*), которое он разыскивал в своих путешествиях по Италии.

Якобсон и Трубецкой разделяют гётевскую идею *архетипа*, к которой они прибавляют иной принцип замкнутых типов, заимствованный ими у Кювье.

II. Метафора и метонимия

Подобно Н. Марру, Якобсон увлекался магией в первобытных культурах.

Я хотел бы обратить внимание на то, что существенное противопоставление, которое Якобсон проводит между *метафорой* и *метонимией*, опирается на различие, которое в свое время предлагал Дж. Фрэзер (1854–1941) между двумя типами магии в первобытных культурах. Речь идет о «симпатической магии».

В 1931 г. Якобсон упрекает Дж. Фрэзера в том, что его универсальный психологический подход к словесному табу не позволяет

выявить особенности евразийского культурного типа²². Но он на него ссылается очень положительно в 1956 г. в тексте «Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances»:

Принципы, лежащие в основе магических обрядов, Фрэзер рас-
пределил на два типа: чары на основе закона подобия и чары, основан-
ные на ассоциации по смежности. Первая из этих двух великих ветвей
симпатической магии была названа «гомеопатической» или «подра-
жательной», а вторая «заразной магией». Это деление действительно
много разъясняет [*is indeed illuminating*]²³.

Поразительны аналогии между теорией магии у Дж. Фрэзера и
известным противоположением Якобсона *метафора / метонимия*.

Магическое мышление основывается на двух принципах. Первый
из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже
на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз
пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодей-
ствовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Пер-
вый принцип может быть назван законом подобия, а второй – законом
соприкосновения или заражения. Из первого принципа, а именно из
закона подобия, маг делает вывод, что он может произвести любое
желаемое действие путем простого подражания ему. На основании
второго принципа он делает вывод, что все то, что он проделывает с
предметом, окажет воздействие и на личность, которая однажды была
с этим предметом в соприкосновении (как часть его тела или иначе).
Гомеопатической – или имитативной – магией можно назвать колдов-
ские приемы, основанные на законе подобия. *Контагиозной* магией
могут быть названы колдовские приемы, основанные на законе сопри-
косновения или заражения²⁴.

Обратим внимание на то, что Якобсон связывает метонимию с
синтагматической осью (ассоциации по *смежности*), а метафору с
парадигматической осью (ассоциации по *сходству*), и что очевид-
ное предпочтение он отдает метафоре, т. е. поэтическому языку.
Бесконтактное сходство превосходит сходство по смежности.

Но можно идти еще дальше по направлению заимствования
Якобсоном моделей из других научных областей, чем языкознание,
и упомянуть пару *гомология / аналогия* в биологии XIX в.

В 1843 г. Р. Оуэн (1804–1892) систематизировал натурфилосо-
фскую оппозицию между *сродством* и *аналогией*. В итоге слово
«сродство» практически исчезло, уступив место «гомологии», а

аналогия стала обозначением функциональной тождественности органов или частей тела у разных животных независимо от их происхождения (ср. крылья у птиц и насекомых); напротив, отношение *гомологии* связывает такие органы различных животных, которые, независимо от их формы и функции, имеют общее происхождение (например, крылья у птиц и передние плавники у китов).

Проблема возможности воздействия без прямого соприкосновения, или без посредника, обсуждалась в классической физике в XVII и XVIII вв. Согласно концепции *дальнодействия*, тела действуют друг на друга без материальных посредников, через пустоту, и на любом расстоянии. Одним из примеров непосредственного действия на расстоянии можно считать силу всемирного тяготения в классической теории гравитации Ньютона. Наоборот, согласно концепции близкодействия, взаимодействия передаются с помощью особых материальных посредников. Главной темой спора здесь, по-моему, вновь является *бесконтактная связь*. Когда данный вопрос переходит посредством метафоры из области физики в гуманитарные науки, возможным выходом из затруднения становится *сходство форм*. Но и тут, как мы уже видели, можно выдвинуть два решения. Сходство форм может объясняться либо общим происхождением (контакт во времени – каузальная связь), либо как результат сближения генетически неродственных явлений (телеологическая установка). В свою очередь, здесь возникают два варианта решения проблемы: сходства объясняются либо пространственным соприкосновением (контактная лингвистика: «смежные ареалы»), либо целеустремленностью разнородных явлений, «общей тенденцией» развития в одном направлении. Это и есть *целевая установка* евразийского языкознания, по Якобсону, в 1931 г.

Отмечая, что евразийский языковой союз обрамляют два политонических союза (околобалтийский на северо-западе и юго-восточный азиатский) на огромном расстоянии без какого бы то ни было физического соприкосновения, Якобсон пишет:

[...] палатализующий языковой союз как на восточной, так и на западной окраине сочетается с политоническим языковым союзом. Маловероятно, чтобы эта симметрия двух границ одного союза была бы обязана простой случайности²⁵.

Наконец, нельзя ли возвести проблему бесконтактного сходства к известному афоризму Эмпедокля: τὸ ὅμοιον τοῦ ὁμοίου ἐφίεσθαι (подобное стремится к подобному)?²⁶

III. Есть ли связь между установками Яacobсона?

Э. Холенштейн настаивал на феноменологической подоплеке работы Яacobсона. Я, со своей стороны, хотел представить неоромантические аспекты его научной деятельности, прежде всего довоенного периода: смесь системы ценностей немецкой натурфилософии начала XIX в. с рабочими принципами, свойственными естественным наукам, в первую очередь биологии (вопреки его утверждениям обратного), и структурным подходом, опирающимся на поиск сродства между генетически не связанными языковыми явлениями.

Несмотря на свои утверждения, в 20–30-е годы Яacobсон больше занимается *формой*, чем *функцией*. Его главная установка, как у многих русских исследователей данной эпохи, – отношение между формой и содержанием: ни одно сходство в форме не может быть незначимым. Иными словами – и это чрезвычайно важно для лингвиста, так глубоко погруженного в формалистское движение 1920-х годов, – форма без содержания не является формой. Но данный принцип он разделял и с А. Потебней, и с А. Лосевым, и с Н. Марром, и вообще с «mainstream» русской гуманитарной интеллигенции 20–30-х годов.

В заключение я хотел бы подвести итоги этого беглого обзора некоторых яacobсоновских тем и предложить собственную гипотезу. Она состоит в том, что можно совместить обе модели – ортогенез и симпатическую магию – для объяснения некоторых неясностей в яacobсоновских текстах 20–30-х годов. Это нам позволит установить следующую аксиологическую шкалу ценностей согласно строго симметричным парам оппозиций:

–	+
метонимия (= проза)	метафора (= поэзия)
магия по контакту	магия по сходству
синтагматическая ось	парадигматическая ось
дивергенция от общего предка	конвергенция
языковые семейства	языковые союзы
механический	функция
причинность	цель
(филогенез) ²⁷	номогенез
случай	закономерность
хаос	порядок

Если следовать якобсоновскому принципу «увязки», то мы приходим к заключению, что его шкала ценностей строго симметрична. От того, что причина заменяется целью, оказывается, что языковые союзы более реальны, чем языковые семейства. От того, что магия по сходству обуславливает метафору, а следовательно, поэзию, выходит, что отношения без контакта важнее, чем «механические» (зависящие от прямого контакта).

Красной нитью проходит через творчество Якобсона идея *бесконтактного сходства*. Можно сказать, что эта идея завораживала его на протяжении всей жизни. Тем самым невозможно свести это творчество только к «классическому» структурализму.

Якобсон в 30-е годы находится на перепутье. В его трудах довоенного периода можно найти как отголоски физики Эйнштейна, так и стремление к синтезу идеалистической морфологии немецкого романтизма и греческого неоплатонизма, представляющее собой попытку преодоления кризиса позитивизма в России в начале XX в. Перед нами открывается целое поле для новых исследований на этом пути.

Примечания

- ¹ Этот эпиграф Гёте поставил в своей статье о споре между Кювье и Э. Жоффруа Сент-Илером в 1830 г.
- ² *Иванов Вяч.Вс.* Лингвистический путь Романа Якобсона // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 5.
- ³ *Milner J.-C.* Le bonheur par la symétrie // Cahiers Cistre. 1978. № 5. P. 53.
- ⁴ *Ibid.* P. 56.
- ⁵ *Якобсон Р.О.* Языковые проблемы в трудах Масарика // Центральная Европа (Прага); перепечатано в: *Jakobson R. Selected Writings.* The Hague; P.: Mouton, 1971. Vol. II. P. 469.
- ⁶ *Jakobson R.* Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues: Доклад на IV Международном конгрессе лингвистов (Копенгаген, август 1936 г.); цит. по: *Якобсон Р.О.* Избранные работы. С. 92.
- ⁷ *Jakobson R. N.S. Trubetzkoy* // Acta linguistica I; перепечатано в: *Jakobson R. Selected Writings.* Vol. II. P. 505.
- ⁸ *Jakobson R.* Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues; цит. по: *Якобсон Р.О.* Избранные работы. С. 92.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 93.
- ¹¹ Там же. С. 94.

- ¹² Я здесь не упоминаю о полемике, возникшей между механистами и деборинцами в советской философии 1920–1930-х годов, но это явная веха в обсуждаемой здесь проблеме. Якобсон не мог не знать об этом споре.
- ¹³ *Meillet A.* Les langues du Monde. P.: Champion, 1924. P. 1; в переводе: *Кацнельсон С.Д.* Прогресс языка в концепциях индоевропеистики // Известия Академии наук. ОЛЯ. 1940. № 3. С. 62.
- ¹⁴ *Meillet A.* Le problème de la parenté des langues // Linguistique historique et linguistique générale. P., 1921. P. 76.
- ¹⁵ *Jakobson R.* Six leçons sur le son et le sens; цит. по: *Якобсон Р.О.* Избранные работы. С. 33.
- ¹⁶ Там же. С. 47.
- ¹⁷ *Серио П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. М.: Языки славянской культуры, 2001. Гл. V.
- ¹⁸ Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 158.
- ¹⁹ Цит. по: *Левинская И.* О филологии без идеологии. Реплика по поводу двухтомника П.А. Дружинина «Идеология и филология» // Звезда. 2013. № 8 (без пагинации). URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/8/111.html>.
- ²⁰ См.: *Todes D.* Darwin without Malthus. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 41.
- ²¹ *Jakobson R.* Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik // Roman Jakobson: Semiotik. Ausgewählte Texte 1919–1982 / Н. Holenstein (hrsg.). Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1992. S. 54.
- ²² *Jakobson R.* К характеристике евразийского языкового союза, – см.: *Jakobson R.* Selected Writings. Vol. I. P. 150.
- ²³ *Jakobson R.* Selected Writings. Vol. II. P. 258.
- ²⁴ *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь, 1911–1915. Гл. III: Симпатическая магия [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Frezer/03.php (дата обращения: 18.04.2015).
- ²⁵ Цит. по: *Якобсон Р.О.* Избранные работы. С. 103.
- ²⁶ Интересно, что принятый французский перевод звучит: «seul le semblable attire le semblable» (только подобное притягивает подобное), а английский – «like is only known by like» (подобное познается только подобным). Это уже разные интерпретации. Другой вариант гласит: αἰεὶ τὸν ὁμοῖον ἄγει θεὸς ὡς τὸν ὁμοῖον (божество всегда толкает подобное к подобному).
- ²⁷ Якобсон не употребляет этот термин.